

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ

И.В. ЦВЫК

Кафедра философии
Московский авиационный институт
(Технический университет)

Волоколамское шоссе, 4, Москва, Россия, 125171

Статья посвящена анализу методологических оснований смыслового освоения социального пространства и времени в контексте современной социокультурной динамики. Отмечается, что анализ пространственно-временных факторов цивилизации позволяет осмысливать проблематику культурного многообразия и в то же время целостности и уникальности каждой цивилизации, в рамках которой воспроизводится специфически-культурная картина мира, основанная на определенных хронотопических контекстах.

Ключевые слова: социальное пространство, социальное время, хронотоп, континуум.

Проблематика пространства и времени вызывает пристальный интерес в различных областях современной науки. Эти фундаментальные вопросы решаются в рамках весьма многообразных научных парадигм. Наш интерес к теме социального пространства и времени связан с культурно-феноменологическими контекстами и продиктован актуальностью этих проблем в современном российском обществе. В последние десятилетия российская культура столкнулась с целым рядом сложнейших вызовов. Беспрецедентные масштабы социокультурных изменений, развитие процессов глобализации, усиление инокультурного влияния, повышающийся уровень социокультурной дифференциации, расширение влияния средств массовой информации — все эти факторы ставят российскую культуру перед угрозой смены идентичности. В условиях социокультурного перехода наблюдаются существенные разрывы в представлениях о культурном пространстве и времени. Это находит свое проявление, в частности, в резком сужении пространства идентичности до узколокального уровня (кланового, корпоративного, этноцентричного и т.п.) при одновременном усилении глобального мышления. В восприятии культурного времени наблюдаются тенденции разрушения смыслового единства между прошлым, настоящим и будущим, а также усиление различий в глубине осознания времени и характера происходящих в России изменений. Осмысление этих процессов дает основание полагать, что для более глу-

бокого понимания оснований цивилизационной интеграции имеет большое значение рассмотрение вопросов смыслового освоения пространства и времени.

Представления о пространстве и времени лежат в основе любой картины мира, играя роль некоего концептуального фона, упорядочивающего всю ценностно-смысловую сферу. Само возникновение социальной организации связано с формированием новых, качественно-специфичных пространственно-временных структур. Социальное пространство, вписанное в пространство биосферы, обладает особым человеческим смыслом. Оно функционально расчленено на ряд подпространств, характер которых и их взаимосвязь исторически меняются по мере развития общества. Уже на ранних стадиях человеческой истории формируются особые пространственные сферы жизнедеятельности, значимые для человека.

Функционально выделены из окружающей среды пространство непосредственного обитания (жилище и поселение), территория вокруг него, включающая особые зоны хозяйственных циклов. У племен, ведущих охотничье-собираТЕЛЬСКИЙ образ жизни, эти зоны образуются в зависимости от циклов восстановления полезных растений и животных в той экосистеме, в которую включено племя. С возникновением древних земледельческих обществ особое значение приобретают зоны плодородных земель. Например, для жителей Древнего Египта зона по берегам Нила была особым пространством, имевшим решающее значение для судеб этой цивилизации. Особенность социального пространства заключается в том, что мир вещей культуры, окружающих человека, их пространственная организация обладает надприродными, социально-значимыми характеристиками.

Целостная система социальной жизни имеет свою пространственную архитектуру, которая не сводится только к отношениям материальных вещей, но включает их отношение к человеку, его социальные связи и те смыслы, которые фиксируются в системе общественно значимых идей.

Специфика социального пространства тесно связана со спецификой социального времени, которое является внутренним временем общественной жизни и как бы вписано во внешнее по отношению к нему время природных процессов. Социальное время — это количественная оценка пути, пройденного человечеством. Социальное время является мерой изменчивости общественных процессов, исторически возникающих преобразований в жизни людей.

На ранних стадиях общественного развития ритмы социальных процессов были замедленными. Родоплеменные общества и пришедшие им на смену первые цивилизации древнего мира на протяжении многих столетий воспроизводили определенный уклад социальной жизни. Социальное время в этих обществах носило квазициклический характер, ориентиром общественной практики было повторение уже накопленного опыта, воспроизводство действий и поступков прошлого, которые выступали в форме традиций и часто носили сакральный характер [15. С. 34]. Идея направленности времени и ориентация на будущее возникли в культуре значительно позже. Линейно направленное историческое время проявляется наиболее отчетливо в обществе Нового времени, характеризующемся ускорением развития всей системы социальных процессов. Еще в большей мере это ускорение свойственно современной эпохе.

Выявление роли пространственно-временных факторов в современной социокультурной динамике приобретает особую значимость в условиях радикального изменения представлений о пространстве и времени, связанного с глобализацией.

Глобализация и локализация диктуют новые требования к осмыслению проблем цивилизационно-культурной идентичности. Многие из этих проблем могут быть решены в рамках пространственно-временного, хронотопического (по выражению М.М. Бахтина) анализа современной цивилизации.

Категориям «пространство» и «время» отводится важное место в теории цивилизаций. Для любой цивилизации, если рассматривать ее в русле культурно-исторического подхода, характерны пространственно-временные характеристики, отражающие глубокую взаимосвязь культуры с соответствующим «месторазвитием» (П.Н. Савицкий) или ландшафтом (Л.Н. Гумилев), которая и задает пределы вариативности временных ритмов. В этом смысле, как показал А.С. Панарин, цивилизационная парадигма «реабilitирует» категорию пространства и противостоит стадийным прогрессистским концепциям, основанных на вере в преодоление с течением времени любых пространственных различий [13].

Каждая локальная цивилизация описывается также как хранитель времени, которое отражает как соответствующую данной цивилизации историю, связывающую прошлое, настоящее и будущее, так и «вечные» ценности.

Солидный опыт осмысления социального пространства и времени накоплен в истории философии. С точки зрения глубины философского обоснования сущности пространства и времени как представлений, лежащих в основе всех внешних созерцаний, наиболее значимым остается наследие И. Канта. Важны также фундаментальные исследования пространства и времени Э. Гуссерля, связанные с раскрытием проблемы субъективного переживания пространственно-временных связей в смыслообразующем потоке сознания [8]. М. Хайдеггер обосновал конечность «наличного бытия» человека и «временности присутствия» как способа бытия смертного в мире [14]. Существенную роль в раскрытии процессов социального времени играет концепция «осевого времени» и соотношения прошлого, настоящего и будущего в осознании времени К. Ясперса [16].

Итак, в исследованиях социокультурной динамики накоплен определенный опыт анализа пространственно-временных характеристик культуры. Однако, как справедливо отмечает Э.В. Баркова, современная социокультурная ситуация характеризуется столь быстрым и фундаментальным изменением мироустройства и, вследствие этого, оснований бытия человечества, что философско-культурологическое осмысление происходящего в значительной степени отстает от темпов самих этих изменений [1. С. 56]. Кроме того, развитие культуры в наше время связано со значительной диспропорцией между исключительно быстрым, лавинообразным ростом новых культурных форм и все большим отставанием возможности их освоения, с чем, по-видимому, связана одна из причин ослабления ею функции нормативности.

В философии культуры в этой связи актуализируется исследование тех онтологических оснований культуры, в которых была бы выражена нелинейность

ее развития, многомерность и системный характер, что позволило бы уточнить ее особенности как современной развивающейся целостности. Но решение этой задачи требует развития методологических оснований философии культуры.

За последние годы в отечественной науке были получены значительные результаты, давшие возможность конкретизировать анализ культуры как открытой сложноорганизованной системы. Но в то же время целостность культуры в них, как правило, рассматривалась либо в синхронном разрезе, схватывающем одновременно компоненты ее пространственных структур, либо в диахронном, когда исследовался линейно-временной ракурс ее бытия. Возможен также такой вариант исследования, когда пространственные и временные характеристики бытия культуры рассматриваются вне внутренней связи друг с другом. При этом недостаток подобного подхода состоит в том, что уже сама логика исследования предельно близкого предмета — социального пространства — приводит к включению временного параметра в содержание методологии. В.Г. Виноградский отмечает: «Принципиальное отличие пространства как формы общественного бытия от всех иных разновидностей пространства заключается в том, что его возникновение и развитие всецело связано с деятельностью общественного субъекта (общества в целом, социальной группы, индивида). Социальное пространство является специфической формой этой деятельности. Его свойства определяются исторически развивающимся способом жизнедеятельности того или иного субъекта» [5. С. 17].

Использованная в различных исследованиях методология — будь то системный подход, хронотопический контекст, герменевтика, структурализм, марксизм или постмодернизм — способствовала прояснению многих аспектов бытия, самодетерминации и механизмов саморазвертывания культуры. Тем не менее в науке по-прежнему существует ряд вопросов, решение которых предполагает прояснение специфики пространства и времени, но взятых не как отдельные формы культуры, а в их единстве как активных компонентов культуuroобразования. В этом поиске, по моему мнению, большим методологическим потенциалом обладает используемая М.С. Каганом и Э.В. Барковой категория «пространственно-временной континуум» как понятие и исследовательский принцип философии культуры.

Баркова определяет континуум как такую форму бытия культуры, в которой на основе единства пространства и времени обеспечивается специфика содержания, относительная автономность и самодостаточность культуры. Эта форма содержательна, поскольку в ней происходят постоянные взаимопереходы не только пространства и времени, но и содержания культуры в свойства пространства-времени и обратно. Континуум, следовательно, является одним из вариантов конституирования целостности. Как способ бытия культуры он самовоспроизводит себя через единство формы и содержания.

Эта его особенность позволяет, не проясняя конкретику и все многообразие ее проявлений (что требует иных методологических конструктов, имеющих обще- и частнонаучный характер), раскрыть единство становления и устойчивости целостности, в рамках которой разворачивается все многообразие ее свойств и отношений. Поэтому континуум оказывается как бы особым подвижным контуром, который обеспечивает связь целого и частей, внутреннего и внешнего, общего

и единичного, выделяя зависимость свойств тех или иных культур от некоторых константных состояний ее бытия.

Известно, что как исследовательский принцип пространственно-временной континуум впервые был освоен в теории относительности А. Эйнштейна, доказавшего, что при приближении частиц к скорости света радикально меняются их свойства: растет масса, замедляется время. Но этого эффекта не происходит, если их скорость достаточно удалена от предела — выделенной и постоянной величины — скорости света. Пространственно-временной континуум поэтому с самого начала стал не просто методом анализа содержания, но и определением границ той среды, в которой данный фрагмент реальности сохраняет свою качественную специфику. Введение А. Эйнштейном такой константы, как постоянство скорости света, явилось одним из оснований, позволившим ему осмыслить идею четырехмерности пространства-времени и доказать, что изменения свойств пространства-времени — результат их «наполняемости» новым содержанием, новыми свойствами объекта.

Отметим и то обстоятельство, что все эти научные поиски XX века шли на фоне кардинального пересмотра представлений о пространстве и времени и в самой культуре и обществе. И прежде всего искусство, опередив континуально-научную рефлексию, осуществило эту революцию в художественном освоении, в русле которого, как писал В.В. Иванов, «шли и живопись после Сезанна, и кино Бергмана... Как еще во время Первой мировой войны писал Бердяев, после Андрея Белого и Пикассо сама история занялась ультраавангардным сочинительством. Искусство становится искореженным отсветом изломанного времени. Пикассо приходит к своей „Гернике“, как Шенберг — к „Свидетелю из Варшавы“» [9. С. 10].

В течение XX века идея континуальности подтвердила свою продуктивность во многих науках — математике, биологии, физиологии, экономике, генетике, теории организации. А ее одной из первых теоретических проекций на область гуманитарного знания, по-видимому, можно считать разработку идеи хронотопа М.М. Бахтиным, наследие которого представляет особый интерес в связи с анализом методологических оснований современной теории социального пространства и времени.

В своих работах он представил теоретическое обоснование понятия «хронотопа», отражающего смысловое единство пространственно-временного континуума, а также показал роль хронотопической определенности в процессах смыслообразования. Хронотопом (дословно «времяпространство») Бахтин называл «существующую взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [2. С. 9].

Хронотопы концентрируют в себе различные временные реальности (время человеческой жизни, историческое время, представления о Вечности) и являются своеобразным структурирующим основанием смыслового пространства, в которое вписываются значения каждого конкретного события. «Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и изменяется временем», — отмечал М.М. Бахтин, полагая, что живое созерцание «схватывает хро-

нотоп во всей его целостности и полноте», а наши художественные представления «пронизаны хронотопическими представлениями разных степеней и объемов» [2. С. 177]. Это создает возможность осмысливать события, цепочки связей (сюжетные линии) через хронотоп, который служит преимущественной точкой означивания и смысловой конкретизации тех или иных событий и процессов.

При этом каждый хронотоп включает в себя множество хронотопов, относящихся к более мелким пространственно-временным масштабам — хронотопов конкретных событий и процессов, которые, в свою очередь, интегрируются в общую, относительно целостную хронотопическую модель. В структуре этой модели отдельные хронотопы могут включаться друг в друга, контрастировать, сосуществовать, переплетаться, сменяться и т.д. М.М. Бахтин характеризовал отношения между хронотопами как диалогические (в широком понимании этого термина).

Понятие хронотопа приложимо и к оценке существующих культур и цивилизаций. С точки зрения хронотопического анализа, современные цивилизации предстают как внутренне неоднородные в культурно-пространственном отношении. Каждый этнос, как полагал Л. Гумилев, несет в себе характерные черты, сформировавшиеся в условиях определенного ландшафта. При переселении или расселении этносы ищут себе соответствующие их культурным особенностям области: «угры расселялись по лесам, тюрки и монголы — по степям, русские, осваивая Сибирь, заселяли лесостепную полосу и берега рек» [7. С. 152]. При этом однородный ландшафтный ареал стабилизирует обитающие в нем этносы, разнородный — стимулирует изменения. Многие исследователи российской цивилизации связывают ее особенности с «властью пространств» [3. С. 62—68]: распространение культуры «по горизонтали» приводило к ослаблению системообразующих начал и несформированности «вертикали» — устойчивой иерархии ценностей и смыслов. Необходимость компенсации слабой вертикали вело, в свою очередь, к централизации и ужесточению системы государственной власти.

Сложное взаимодействие любой цивилизации со своей пространственной средой определяет специфику означивания пространства и протекания культурного времени. В различных культурах (в том числе и в рамках одной цивилизации) существуют свои специфические варианты осмысления времени. Речь может идти о разной глубине осознания времени, различиях в характере временных изменений, выстраивании акцентов на прошлом, настоящем или будущем, о предпочтении стабильности и порядка или изменений и разнообразия.

Л. Гумилев в своих исследованиях отмечал, что в разных культурах и цивилизациях люди ведут отсчет времени сообразно собственным потребностям. Если они не применяют сложные системы отсчета, то не потому, что не умеют, а потому, что не видят в этом смысла. Так, тюрки ввели линейную хронологию, когда оказались во главе огромной державы, но как только каганат пал, они вернулись к циклическому отсчету времени.

В этом плане важны не системы отсчета, а их разнообразие, которое и характеризует степень сложности культуры. Л. Гумилев выделял фенологическую систему отсчета времени, необходимую для приспособления коллектива к явлениям природы; циклический календарь, использующийся для фиксации повседневно-

ных событий; «живую хронологию» — для обозначения событий в пределах жизни одного поколения; линейный отсчет времени — для политических и деловых целей и т.д. Кроме того, время может подразделяться на отдельные эпохи, которые так или иначе отражены в общественном сознании [7. С. 82—94].

Все это свидетельствует о том, что пространственно-временной континуум все в большей степени осмысливается как важный принцип, условие восхождения любой науки — в том числе социально-гуманитарной — на уровень концептуально-теоретической системы. А потому весьма своевременной представляется постановка вопроса о возможности его включения в исследование культуры и предположить, что континуум в скрытом виде существует в культуре, и его необходимо вскрыть и прояснить его природу. В подобных исследованиях в значительной степени может быть использована разработанная М.М. Бахтиным хроно-топическая методология.

Осознание необходимости и перспективности введения пространственно-временного континуума в философию культуры происходит в отечественных исследованиях в 90-е гг. XX века. Этот процесс, прежде всего, связан с рядом работ М.С. Кагана, в которых впервые указывается на необходимость «координат» континуума в анализе отношения «человек — мир»: «мир, в котором существует и действует человек, является пространственно-временным континуумом, и потому полнота информации о бытии предполагает знание того, что происходит во всех фрагментах обоих его измерений» [11. С. 112]. В этом же смысловом измерении говорит о континууме В.К. Карнаух: «...социальное пространство неразрывно связано с социальным временем. Поэтому, как нам представляется, можно вести речь о едином пространстве-времени цивилизации, о ее пространственно-временном континууме» [12. С. 6].

В ситуации, сложившейся в последнее время, когда и в теории (особенно в философии культуры постструктурализма и постмодернизма), и на практике начинают осваиваться различные континуальные процессы, не случайно оформилось и направление знания, дающее наиболее адекватную методологию для исследования континуума культуры. Такой методологией является социальная синергетика, развивающая принципы философии истории, теории систем и коэволюционной стратегии. Как универсальная теория формирования неравновесных систем она позволяет выявить системно-организационные основы культуры, поскольку культура может быть рассмотрена как специфическая форма самоорганизации.

М.С. Каган отмечает, что синергетика «предоставляет культурологии возможность найти в этом хаосе ростки новой, более сложной гармонии, ибо синергетика и выявляет закономерности развития порядка из хаоса» [10. С. 479].

Дело в том, что в культуре, где задается устойчивость порядка жизнедеятельности субъекта, структура пространственно-временной организации определяется спецификой ее полифункциональности, полиритмии и иерархией взаимопроникающих смысловых пространств и времен. В этой структуре и ее динамических характеристиках проявляется все многообразие жизни культуры, и общей формой этого многообразия, в которой происходит как бы взаимокорректировка этих различных «пульсирующих элементов», является пространственно-временной

континуум. Именно он позволяет сформировать образ культуры как своеобразной пульсирующей Вселенной — целостной и многообразной, хаотичной в одних своих измерениях и закономерной в других, развивающейся одновременно во многих и разных направлениях. Такой образ оказывается возможным потому, что социально-синергетический «подход предлагает науке нетривиальное видение... в открытой эволюционирующей системе не может быть «единого на все времена» структурного порядка... Социальный порядок в синергетике предстает как живой, развивающийся по законам самоорганизации, «дышащий», пульсирующий организм — становящийся, но не ставший» [4. С. 282].

Однако в синергетике, выявившей законы и механизмы самоорганизации систем, отсутствует пока представление о специфике субъектного и смыслового начал, важнейших для анализа культуры. В связи с этим, как мне кажется, необходимо дальнейшее развитие синергетического подхода — как он представлен в его классическом варианте — применительно к анализу самоорганизации культуры. Но как и другие уникальные сложноорганизованные системы, культура предполагает специфичность своего континуума, его проявлений и констант. Одна из трудностей определения этой специфики связана с тем, что пока не выявлены основания выделения всех его главных и второстепенных, центральных и периферийных элементов и принципы их взаимодействия.

Многообразие трактовок культуры и выделенных в них оснований актуализирует постановку вопроса о том, связаны ли основания ее бытия как отношения (тогда они предполагают реляционный подход) или они имеют субстанциальную природу. Ясно, что в зависимости от ответа на этот вопрос, от понимания сущности культуры разными будут и конкретные характеристики континуума. Цивилизация хранит время, связывая прошлое, настоящее и будущее, создавая тем самым особое — надчеловеческое, надэтническое, надлокальное измерение времени, выраженное в традиции и характерных представлениях об историческом процессе и оказывающее значительное влияние в том числе и на повседневную жизнь [6. С. 28]. С этим связаны не только развитые системы восприятия и отсчета времени, существующие в каждой цивилизации, но и представления о неподвластных времени «вечных» ценностях, образах и смыслах, которые составляют сакральную сферу цивилизационной регуляции.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что анализ пространственно-временных факторов цивилизации позволяет осмысливать проблематику культурного многообразия и в то же время целостности и уникальности каждой цивилизации, в рамках которой воспроизводится специфически-культурная картина мира, основанная на определенных хронотопических контекстах. Учение Бахтина о хронотопе возможно применять к моделированию не только литературных текстов, но и к «текстам», составляющим культурную картину мира. Следовательно, можно говорить о возможности хронотопического моделирования цивилизационной динамики, которая и отражает конкурентную борьбу различных картин мира. Наше прикосновение к сфере культурно-исторического смысла оказывается возможным только через «ворота хронотопов», т.е. только в том случае, когда смысл принимает знаковую форму, имеющую какое-либо пространственно-временное выражение.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Баркова Э.В.* Пространственно-временной континуум как форма целостности культуры: к постановке проблемы // В диапазоне гуманитарного знания. Сборник. Сер. «Мыслители». — Вып. 4. — СПб., 2001.
- [2] *Бахтин М.М.* Эпос и роман. — СПб., 2000.
- [3] *Бердяев Н.А.* Судьба России. — М., 1990.
- [4] *Василькова В.В.* Порядок и хаос в развитии социальных систем. — СПб., 1999.
- [5] *Виноградский В.Г.* Социальная организация пространства. — М., 1988.
- [6] *Горин Д.Г.* Пространство и время в динамике российской цивилизации. — М., 2003.
- [7] *Гумилев Л.Н.* Этносфера: История людей и история природы. — М., 1993.
- [8] *Гуссерль Э.* Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. — 1986. — № 3.
- [9] *Иванов В.В.* Космическая одиссея наступающего тысячелетия // Литературная газета. — 2000. — № 1—2.
- [10] *Каган М.С.* Введение в историю мировой культуры. Кн. 1. — СПб., 2000.
- [11] *Каган М.С.* Философия культуры. — СПб., 1996.
- [12] *Карнаух В.К.* Волны цивилизации. — СПб., 1998.
- [13] *Панарин А.С.* Россия в циклах мировой истории. — М., 1999.
- [14] *Хайдеггер М.* Искусство и пространство // Самосознание европейской культуры XX века. — М., 1991.
- [15] *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. — СПб., 1998.
- [16] *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. — М., 1991.

SOCIAL SPACE AND TIME IN THE CONTEXT OF MODERN SOCIAL AND CULTURAL DYNAMICS

I.V. Tsvyk

Department of Philosophy
Moscow Aviation Institute
Volokolamskoe Shosse, 4, Moscow, Russia, 125993

The article is devoted to analysis of the methodological foundations of semantic mastery of social space and time in the context of contemporary socio-cultural dynamics. It is noted that analysis of time and space factors of civilization make it possible to comprehend the problems of cultural diversity and at the same time the integrity and uniqueness of each civilization, in the framework of which a specifically cultural picture of the world is reproduced based on certain chrono-topical contexts.

Key words: social space, social time, chronotopos, continuum.